

С. Абердам

ПРАВО ИЗБИРАТЬ и ПРАВО РЕШАТЬ в 1793 г.

Памяти профессора А.В.Адо
Современные исследования
о французской революции конца XVIII века.
М., 2003

Веб-публикация: Дмитрий Бовыкин, Eleonore и редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

Введенное Французской революцией избирательное право и методы его использования гражданами стали в последнее время предметом тщательного изучения и дискуссий среди французских историков¹. В частности, такие дебаты (инициированные Морисом Жанти и Мишелем Пертюэ, и продолженные Клодин Воликов²), проходили и в рамках рабочей группы «Голосование и выборы в революционное десятилетие». По их завершении в нашей коллективной работе³ Клодин Воликов дала следующее определение термина «*deliberation*»^{*}:

«Функции первичных собраний и собраний выборщиков были ограничены правом избирать; они должны были разойтись сразу же после окончания выборов (Конституция 1791 года, раздел III, глава 1, отдел IV, статья 1). Тем не менее, несмотря на запрет обсуждений (проистекающий из самого принципа представительства), собрания выборщиков, используя право участвовать в составлении закона, формально признанное за гражданами несколькими Декларациями прав, не лишали себя возможности выразить при случае определенные политические взгляды или свое мнение, хотя это и воспринималось национальным представительством как опасное нарушение принципа законодательной централизации. Так, например, выступая в Конвенте 19 ноября 1792 г. Дефермон^{**} говорил: «Если мы хотим обеспечить единство Республики, необходимо жестко запретить собраниям выборщиков превращаться в представительные органы, равно как и в постоянно действующие корпорации». Аналогичную реакцию вызвало и составленное Гужоном^{***} «Обращение к Национальному конвенту собрания выборщиков департамента Сена и Уаза» от 15 ноября 1792 г., подписанное 138 гражданами и представленное Конвенту 19 ноября. Конвент отказался его опубликовать, мотивируя это тем, что не следует «разрешать обсуждения в собраниях выборщиков; это было бы слишком опасным примером». В то же время, голосования, проведенные в связи с утверждением Конституций 1793 и 1795 годов, давали первичным собраниям возможность повсеместно обойти этот запрет на обсуждение и принятие решений».

Однако если запреты на обсуждение были сформулированы в 1789-1792 гг., но их удавалось эффективно *обойти* в 1793 и 1795 гг., то не от того ли это происходило, что они были полностью пересмотрены в юридическом и практическом плане уже зимой 1792–1793 гг. путем ряда решений, которые повышали политическую роль собраний граждан и придавали этим собраниям соответствующую эффективность. В данной статье мне и хотелось бы поднять вопрос о преемственности в развитии права собравшихся вместе граждан на обсуждение и принятие решений, о роли «представительства» в нормативных актах и «демократии» в революционной политической практике, или, точнее, о статусе проводимого гражданами «обсуждения» в проектах весны и лета 1793 г. и их развитии во времени.

Отправная точка и запреты

В качестве наименее спорной отправной точки хотелось бы напомнить, что голосование и выборы во время революции не предусматривались иначе как в собраниях – либо в собраниях граждан, либо в собраниях более высокого уровня, составленных из людей, избранных на первом этапе (собраниях выборщиков). Естественно было бы предположить, что эти собрания могли и должны были брать на себя решение всех тех проблем, относящихся к их функционированию, которые не были заранее предусмотрены или касались частных деталей.

Что за пределами этого минимума (применительно к собраниям граждан в революционную эпоху) следует понимать под «возможностью обсуждать» или же под «процессом обсуждения»? Запреты, накладываемые законодателями в 1789–1790 гг. и подтвержденные впоследствии, сами по себе создавали различие между этими двумя понятиями. Мы можем говорить лишь о процедурах обсуждения применительно к тем решениям собраний граждан, которые касались процедурных вопросов в широком понимании этого слова (что встречалось нередко и было совершенно законно). А запреты касались принятия каких бы то ни было запросов, петиций, резолюций и «наказов», касающихся как локальных, так и более общих проблем – и так вплоть до императивных мандатов^{****} своим избранникам. Всё это в 1790–1792 гг. считалось совершенно незаконным.

Таким образом, категория «права на обсуждение» весьма широка; она включает в себя как разрешенные, так и ставшие запретными действия, однако плавный переход из одной категории в другую часто бывает не просто отследить. Так, например, решение первичного собрания о допуске к голосованию может иметь сугубо локальное и практическое значение, однако логично вписывается в рамки более общего определения гражданства. И, имея дело с правом на обсуждение, я оказываюсь на границе прав политических – по крайней мере тех, которые осознавались Учредительным собранием. Однако в 1793 г. эта граница становится размытой.

Предпослав такое вступление, необходимо напомнить, что до революции обсуждение и принятие решений было неотъемлемой частью функционирования всех видов собраний Старого порядка. Оно широко практиковалось в ходе сложной процедуры избрания в 1789 г. Генеральных Штатов и соответствовало предписанию Неккера. И в ходе выборов, и при составлении наказов всех уровней эти собрания неизбежно обсуждали и принимали определенные решения. Они не только регламентировали детали своего внутреннего распорядка работы, но и занимались проблемами и проектами, которые хотели обсудить, и принимали важные для себя документы, которые естественным образом превращались в мандаты для их избранников. Трудно отрицать революционный характер этих мероприятий и их влияние на состояние общественного мнения!

Существует еще один революционный разрыв, который для депутатов Учредительного собрания четко следовал из логики «представительства». В соответствии с разделяемыми ими концепциями, превращение в Национальное собрание естественным образом требовало аннулирования всех «частных мандатов», полученных в ходе формирования Генеральных штатов. Кроме этого, следует уточнить и еще одну вещь: в какой мере сами депутаты применяли эти концепции к отношениям со своими собственными *доверителями* и какова была их динамика? Также следует знать, что думали их *избиратели* и какая часть членов первичных собраний осознавала или поддерживала отказ от изначальной логики – логики уполномоченности.

Из выдвинутого летом 1789 г. принципа представительства логически вытекало, что право на обсуждение объединившихся в собрание граждан должно быть сильно ограничено. Принятие ряда законов привело к тому, что эта функция оказалась перераспределенной в соответствии с иерархией новых политических инстанций – обсуждение законов подобает национальному представительству, а обсуждения в административных собраниях должны быть ограничены лишь применением этих законов. Таким образом, регулярные собрания граждан на уровне коммуны или кантона не должны обсуждать ничего, кроме процедурных частностей, поскольку их единственное назначение – выборы. Можно уточнить, что первичные собрания избирали, в собственном смысле этого слова, лишь мировых судей и заседателей, а также вносили свой вклад в формирование собраний обладавших необходимой квалификацией граждан посредством избрания выборщиков. Которые, в свою очередь, избирали тех, кто, наконец, станет обсуждать законы.

Нет сомнений, что принятая Учредительным собранием схема обладала внутренней логикой и жестко проводилась в жизнь – в частности потому, что она позволяла избежать прямых выборов представителей и исключить все, что напоминало бы императивные мандаты, которые заставляли бы депутатов им следовать или могли бы послужить поводом для их отзыва. Однако мне казалось бы неосмотрительным упрощать эту схему и рассматривать ее в качестве единственной, существовавшей в то время и дававшей возможность королевской власти провести однозначную политическую модернизацию. Распределение ролей между голосующими гражданами и обсуждающими представителями вписывалось в общую взаимосвязь «между числом и разумом» – Патрис Генифе и Пьер Розанваллон⁴, к примеру, рассматривают обсуждения в собраниях граждан в качестве архаизма. Речь же шла об отстаивании, в некотором роде вневременным образом и под прикрытием технического превосходства представительного правления, не только достойной уважения схемы, но, прежде всего, определенной политической философии.

Одно из соображений, которое мне кажется принципиальным, заключается в том, что голосование в собрании принимало форму объединения граждан из различных *сословий* – происходившего здесь же, на месте, ясно осознаваемого и содержащего в себе эгалитарную тенденцию. Это наследие Старого порядка и укоренившиеся различия в социальном статусе вызывали множество практических затруднений. Именно ими объяснялась интенсивность конфликтов вокруг права старшинства в собраниях и во время публичных церемоний и, к примеру, трудности, связанные с переходом к составлению списков и представлению голосов в алфавитном порядке. Иными словами, сами действия граждан в собрании заставляли сразу же и на каждом заседании сталкиваться с этими трудностями, тогда как в долговременном плане выход на авансцену социальных связей мог облегчить ежедневное управление политикой. Каковы бы ни были препятствия со стороны закона на пути других проявлений права на обсуждение, консенсус на локальном уровне касательно соблюдения необходимых форм оставался неизменным правилом для голосования граждан на протяжении всего этого периода.

И, напротив, когда в особенно явных случаях скандал по поводу «бед», «беспорядка» или раскола в этих собраниях выходил на поверхность, создавался повод для вмешательства вышестоящих властей. Развитие этих ситуаций привело к тому, что при Директории они превратились в своеобразный политический инструмент, и расколы стали систематическими. Однако у каждого оставалась возможность видеть в них лишь интриги противостоящей группировки. На самом же деле, отсутствие беспорядков в собраниях граждан, проходивших под присмотром властей, было главным критерием, по которому определялась успешность выборов. И, в то же время, царивший в собраниях мир являлся для граждан воплощением идеи равенства и, тем самым, воплощал в себе эффективность принципов, доселе слишком абстрактных.

Отсюда то значение, которое придавалось обсуждениям, сопровождавшим принятие решений по процедурным вопросам, в установлении нового порядка вещей и основ политической и административной системы, базировавшейся на куда более общих принципах. Под этим углом зрения право на обсуждение в более или менее широком его толковании тесно сосуществовало с проходящим в собрании голосованием, даже *in abstentia*****. В том, что ход каждого заседания был неразрывно связан с существовавшими социальными связями, заключалась и сила этого способа голосования, и его слабость – в той мере, в которой оно демонстрировало хрупкость этих связей в тех ситуациях, когда договориться по основным процедурным вопросам оказывалось невозможно.

Таким образом, собрания граждан представляли собой основное общественное пространство революционной эпохи, на котором концентрировалась немалая часть феноменов, связанных с отсутствием современных форм политической практики. Привычка к обсуждению укоренялась тем более легко, что она, на соответствующем уровне, была сходна с тем, что происходило в стенах выборных администрациях коммун, дистриктов и департаментов. Множившиеся политические общества представляли собой еще одно место, где процветали обсуждения, и мне представляется необходимым заняться изучением взаимодействия в этой сфере между обществами, чье право на обсуждение было ничем не ограничено, и регулярными собраниями граждан в секциях, коммунах, первичными собраниями, где обсуждение было в принципе исключено.

На самом деле, даже по законодательству декабря 1789 г. собрания граждан сохраняли возможность устраивать заседания для обсуждений на уровне муниципалитетов и секций: Малькольм Крук⁵ прекрасно показал на примере Тулона, что на самых низких уровнях эти обсуждения сохранялись. Если прибегнуть к обобщению, то те, кто не раз бывал в местных архивах, знают, что собрания всех уровней – и, в особенности, собрания выборщиков – на самом деле никогда не отказывались от обсуждений. Аналогичным образом собрания коммун и первичные собрания, когда в них начиналась борьба интересов, умело использовали свое право на обсуждение якобы местных вопросов, которые, однако, могли повлиять на принятие принципиальных решений: так, например, когда вместе собиралось большое число должников, на этом фоне могли появиться антифеодалные требования.

И, наконец, повсюду – в ходе, но в особенности, в итоге регулярных собраний – практика подачи петиций⁶ позволяла обсуждению принять материальную форму. Чем более ослабевала власть, тем больший спектр тем выносился на обсуждение. Так, 24 июня 1791 г. депутат Ребель привлек внимание Учредительного собрания к тому, что «нет никакой гарантии, что после того как будут организованы собрания выборщиков, они займутся исключительно назначением депутатов, а не воспользуются этой ситуацией для изменения конституции... Если окажется, что они занимаются другими вещами, уверяю вас, монархия погибла». Практика прямого выражения гражданами своей воли, в том числе и в их регулярных собраниях, служивших свидетельством повседневного революционизирования социальных и политических связей, сопротивлялась запретам, сформулированным в 1789-1790 гг. Учредительным собранием, довольно долго – вплоть до революции 10 августа 1792 г.

Изменение позиции законодателей

Поскольку законное возвращение к обсуждениям в собраниях граждан, произошедшее между 1792 и 1793 гг., мало известно и не повсеместно признано, мне придется здесь специально подчеркнуть эту мысль. Оно было вписано в тройной теоретический и практический контекст, характеризовавшийся расширением *числа* граждан, имевших право голоса, расширением *сфер*, где использовалось это право голоса и, в особенности, расширением применения прямого голосования *за пределами собственно избирательной функции*.

И дело здесь не только в теоретическом расширении избирательных прав, провозглашенном декретом от 11 августа 1792 г., принятым на следующий день после взятия Тюильри и свержения монархии. Это расширение, произведенное без предварительной подготовки и медленно претворявшееся в жизнь, вылилось впоследствии в целый ряд частичных решений – и так продолжалось вплоть до того времени, когда оно было закреплено в Конституции в июне 1793 г. А до того, начиная с выборов 1792 г., практическое определение права голоса оставалось в высшей степени локальным и разнообразным, что в принципе характерно для всего этого периода. Однако разработка конституционных вопросов зимой 1792–1793 гг. при признании официального приоритета Конвента, включая дебаты о расширении права голоса и, в частности, провал проектов, предусматривавших допуск женщин к правам гражданства, представляется не менее важной.

Явно прослеживается начавшаяся осенью 1792 г. эволюция концепций касательно места и роли граждан, сопровождавшаяся работой в различных комитетах, которым последовательно поручалась разработка конституционного проекта, воплотившаяся в ряде законов, предусматривавших прямое голосование граждан. Проще говоря, хотя после 1789–1790 гг. и пришли к определенному способу голосования, его решили еще больше расширить. В армии отныне (по декрету от 21–26 февраля 1793 г., прозванного *амальгамным*) от выборов зависело продвижение по службе: граждане на службе у Отечества, добровольцы и призывники, приобретали ту же возможность повлиять на назначения, которой к тому времени уже располагали национальные гвардейцы. В гражданской сфере прямое голосование на уровне коммун начало использоваться для выборов комитетов бдительности (декреты от 21–23 и 30 марта) – с новой и примечательной оговоркой о необходимости установления своего рода «кворума» для того, чтобы эти выборы были признаны законными. Стоит отметить, что к прямому волеизъявлению граждан все больше и больше прибегали не только в ходе выборов, но и для принятия решений – поначалу на местном уровне, а затем все более и более важных.

Прежде всего, этот новый подход к прямому волеизъявлению проявился при процедурах «присоединения» к Республике новых территорий⁷. Идея заставить будущих граждан определиться путем голосования со своей национальной принадлежностью изначально возникла вследствие необходимости разрешить запутанную политическую ситуацию с папскими владениями в Авиньоне (апрель-май 1791 г.), а потом при создании Рауракской республики (ноябрь 1792 г.), и затем при ее превращении в департамент Мон-Террибль⁸ (февраль 1793 г.). Этим способом еще лучше овладели при «присоединении» Савойи, «Республики Аллобродов», ставшей в октябре-ноябре 1792 г. департаментом Мон-Блан, и в ситуации с графством Ницца, напрямую вошедшим в состав нового департамента Приморские Альпы (декабрь-январь 1793 г.).

Но особенно показателен пример Бельгии, где в начале 1793 г. был не только применен этот метод прямого голосования будущих граждан в ходе «присоединений» новых департаментов, но и использован мобилизующий характер, которым могли обладать эти голосования. В то время, как французские армии отступали и стало очевидным разложение военного командования (Дюмурье 1 апреля перешел на сторону врага), один из представителей в миссиях, Госсуэн^{*****}, изумлялся активности при голосовании по «присоединению» Бельгии, «проходившего под дулами вражеских пушек». Тогда и возникла идея о том, что процедура голосования может стать эффективным мобилизующим фактором в трудной внешнеполитической ситуации. Таким образом, в это время голосования о «присоединении» рассматривались как единовременная мера для и касались лишь тех земель, которые считались иностранными.

Однако в ходе заседания Национального Конвента декретом от 21 сентября 1792 г. была сформулирована и другая идея – предложение обратиться ко всем первичным собраниям страны, поскольку «не существует иной конституции, кроме как одобренной народом». Форма этого будущего голосования пока что была обозначена лишь в самых общих чертах, однако очевиден четкий разрыв с тем, что сделало Учредительное собрание в 1791 г. Проект обращения ко всем первичным собраниям вновь в полной мере возник в ходе суда над королем, когда противники вынесения смертного приговора попытались заставить Конвент проголосовать за необходимость обращения к народу для одобрения и, соответственно, для отсрочки исполнения вынесенного приговора⁹. Хотя идея обращения к народу и не была реализована, необходимость дискуссии на эту тему показывает, что возможность обратиться ко всем гражданам по проблеме исключительной важности становится общим местом. Начиная с этого времени, проекты «обращения к первичным собраниям» становятся орудием в борьбе, развернувшейся весной 1793 г. между жирондистами и монтаньярами – независимо от того, предлагался ли он в действительности одной из сторон или в этом обвинялся противник.

В то же самое время принцип прямого обращения к гражданам проявляется и в других решениях. По декрету от 24 февраля 1793 г. организовывался набор в армию в количестве 300 000 человек. Предполагалось, что коммуны (под наблюдением представителей в миссиях и администраций дистриктов) вначале обратятся с призывом к добровольцам и лишь затем, если таковых окажется недостаточно, они должны будут объявить о созыве первичных собраний, которые первым делом определят, каким способом будет проводиться мобилизация: по жребию или путем выборов. Если собрание коммуны не захочет прибегать к жребию, оно должно будет избрать отбывающих на фронт.

Очевидно подразумевалось, что использование выборов позволит проявить гибкость на местном уровне. На практике же оно послужило причиной серьезных беспорядков, особенно на западе, где рекрутский набор в 300000 человек стал сигналом к восстанию¹⁰. Однако практически по всей стране администрации и представители в миссиях оказались вынуждены кассировать эти сугубо частные выборы и (или) заставить прибегать исключительно к жребию для того, чтобы обеспечить набор. Во всяком случае, каким бы импровизированным и непродуманным оно ни оказалось, само решение предложить определиться между жребием и выборами – причем выборами «защитников отечества» – показывает, что обращение к прямому волеизъявлению граждан по вопросу, который непосредственно затрагивал их самые насущные интересы, становится для Конвента обычным делом.

Аналогичным образом закон от 10 июня 1793 г., принятый по завершению долгих дискуссий о способе раздела общинных земель, предусматривал, что граждане коммун должны прибегнуть к прямому голосованию для того, чтобы решить, согласны ли они на этот раздел, равно как и для проведения его в жизнь¹¹. По этому закону право голоса предоставлялось и совершеннолетним женщинам, хотя и исключительно в плане решений, касающихся этого раздела, что являлось свидетельством продолжения проходивших ранее дебатов о возможности предоставления женщинам эвентуальных гражданских прав. При этом закон от 10 июня о разделе общинных земель очевидно касался вопроса, имевшего на местном уровне огромную важность; он применялся достаточно долго и на большой территории¹². Этот способ принятия решений соответствовал новому образу мыслей, при котором граждане принимали решение напрямую. И это предполагало предварительное обсуждение, поскольку шла ли речь о назначении ополченцев в 1793 г. или о разделе общинных земель, в обоих случаях решение влекло за собой обсуждение в собраниях его частных аспектов. На самом же деле, эти законодательные решения и та практика, которая внедрялась по всей стране, вписываются в гораздо более широкий контекст.

С. Абердам

Конституционный контекст

Долгая разработка (начиная с октября 1792 г.) документа, ставшего в итоге¹³ Конституцией 1793 года, тесно связана с дебатами о тех мерах, речь о которых шла выше. Она свидетельствует и о желании расширить ту власть, которая непосредственно вручалась собраниям граждан – прежде всего за счет распространения принципов прямого голосования на избрание будущих депутатов. По этому поводу в Конvente прослеживается как до парижского восстания 31 мая – 2 июня, так и после него, истинный консенсус между Жирондой и Горой, а разногласия по поводу конкретных способов этих прямых выборов отнюдь не являются водоразделом между этими двумя сложившимися лагерями.

В конце концов, в Конституции было записано, что члены будущего законодательного корпуса выбираются напрямую всеми гражданами, объединенными в первичные собрания в рамках новых избирательных округов. Таким образом, и это сильно напоминает будущие выборы по округам, каждый депутат избирался в ходе прямого голосования, проходившего в два тура с подачей одного голоса за одного кандидата. Сохранились и двухступенчатые выборы с участием собраний выборщиков, однако они предусматривались для формирования промежуточных органов управления.

В то же время, наряду с этой новаторской процедурой прямых выборов и таким же образом, который все чаще и чаще использовался начиная с конца 1792 г. для прямого решения гражданами интересовавших их проблем, предполагалось расширить по Конституции власть собраний граждан, чтобы изобрести способ прямого вмешательства народа в законотворчество. По вопросу о необходимости подобной мере в Конвенте существовал истинный консенсус – так развернулась дискуссия о внесении частички «демократии» в систему, которая в основе своей оставалась «представительной». Очевидно термин «демократия» должен пониматься в том смысле, в котором он понимался в ту эпоху, что, однако, не всегда облегчает чтение документов, где он употреблялся то со ссылкой на Руссо¹⁴, то со ссылкой на античность, и где, таким образом, он мог в равной мере означать как власть совокупности мужского совершеннолетнего населения, отправляемую посредством образования большинства в регулярных собраниях, так и по необходимости жесткую диктатуру с минимумом формальностей, осуществляемую «собственно говоря народом» над некогда доминировавшими социальными слоями.

В конституционных дебатах чаще всего присутствовало первое из этих двух значений. Хорошо известна формулировка, данная 10 июня Эро де Сешелем, которая с тех пор часто повторялась, поскольку прозвучала при официальном представлении проекта: «Французская конституция не может быть (названа¹⁵) исключительно представительной, поскольку она демократична в не меньшей степени, нежели представительна. (...) Форма правления является представительной лишь в тех вещах, которые народ не может сделать сам». Эта списанная у Монтескье формула явно связана с изменением границы между тем, что народ может и что не может сделать «сам». Речь здесь идет, прежде всего, о том, чтобы разделить законодательный процесс надвое и определить, каким образом первичные собрания смогут высказываться по проектам законов, одновременно позволив законодателям принимать, в обход этой медлительной контролирующей инстанции, документы более узкого применения или же более неотложные, которые было решено именовать *декретами*.

Наделение первичных собраний возможностью высказываться против принятых законодателем законопроектов изначально было обставлено рядом условий, выполнение которых одновременно весьма затруднено. Однако первый вопрос, который возник в последовавших за этим дебатах, касался того, могут ли первичные собрания созываться по их собственной воле и обсуждать темы по своему выбору? В соответствии со статьей 12 изначального проекта (от 10 июня) потребовать этого созыва могла половина жителей, имевших в кантоне право голоса, плюс один человек. В проходившей с 12 по 14 июня 1793 г. дискуссии Тайефер (*Taillefer*)^{*****} горячо отстаивал это право, которым народ владел «всегда»: отказать ему в этом праве – это, в противоположность тому, за что выступал Тирион (*Thirion*)^{*****}, «политическая ересь». В своем выступлении 14 июня Робеспьер активно настаивал на том, чтобы отказать в этом праве, за двумя исключениями – выборы и участие в «составлении закона» через возможность организовать в установленные сроки «голосование об отклонении».

Робеспьер подчеркнул те трудности, которые возникнут в случае принятия изначальной формулировки этой статьи конституционного проекта о праве первичных собраний самим принимать решения о созыве: «Предлагаемая вами статья столь неопределенно сформулирована, что с ее помощью можно уничтожить любую форму правления, и из-за избытка демократии, она отменяет национальный суверенитет. И в самом деле, если первичное собрание будет созвано согласно этой статье, что оно станет обсуждать? Статья никоим образом это не определяет, так что оно может обсуждать что угодно и, будто оно выражает волю суверена, может принять такое решение, которое будет противоречить установленной форме правления и, тем самым, сломать пружину, необходимую для того, чтобы та могла действовать. Как видите, тем самым вы установите чистую демократию, а не ту демократию, которая для общего блага ограничена законами»¹⁶.

Та «ограниченная законами» демократия, о которой идет речь, – это не совсем «представительная» демократия; очевидно, что она станет частью системы, где созданное прямыми выборами представительство должно будет полностью занять ее место. Мы видим, в какой мере проходившие в Конвенте в июне 1793 г. конституционные дебаты были действительно откровенны. Позиции, отстаиваемые теми или иными депутатами, очень трудно разделить на те, которые основываются на чистых принципах, и те, которые подчиняются сиюминутным тактическим соображениям: разрабатывавшаяся идея немедленного введения Конституции в действие неизбежно заставляла Равнину и остатки Жиронды множить гарантии для провинциальных первичных собраний, однако и Гора была отнюдь не уверена в том, что после объявленных выборов удержит свою власть. Как и в каждый решающий момент большинство не было однородным. Окончательная редакция текста показала, что Робеспьера в его жесткой защите представительной в основе своей формы правления поддержали лишь наполовину, поскольку сохранили возможность созыва первичных собраний по желанию граждан, что явно выходило за рамки механизма «отклонения» законопроектов.

В итоге текст Конституции 24 июня предоставлял первичным собраниям возможность потребовать внеочередного созыва по желанию не половины, а одной пятой его членов, удостоверенному муниципалитетом обычного места созыва собрания. Однако собрание могло приступить к законному обсуждению не иначе как при наличии половины его членов плюс один человек (ст. 34-36). Это то же самое требование кворума, которое мы уже раньше видели в связи с выборами комитетов бдительности, и которое, очевидно, должно было гарантировать уместность повода для созыва или, по крайней мере, реальный интерес к нему граждан.

Для отклонения законопроекта созыв и обсуждение должны были произойти «в течение 40 дней после рассылки предложенного закона в половине департаментов плюс один» и в «одной десятой части первичных собраний каждого из них». Таким образом, необходимо было собрать мнения пятой части граждан, имевших право голоса в каждом из заинтересованных первичных собраний, затем заставить муниципалитет признать этот факт, а потом еще и иметь время для того, чтобы созвать первичное собрание таким образом, чтобы на нем присутствовала половина имевших право голоса плюс один человек.

При отсутствии быстрых способов связи успех этого предприятия предполагал, что, начиная с того дня, когда в законодательном корпусе будет прочитан предварявший законопроект доклад – за 15 дней до начала парламентских дебатов (ст. 56-57) – по всей стране сразу же начнется широкая и далеко выходящая за пределы конституционных требований мобилизация недовольных. Если мы примем, что большинство департаментов составляет 43 из 84, а количество первичных собраний – примерно 7 000 (поскольку было около 5 000 кантонов), т.е. в среднем около 83,3 собраний на департамент, получится, что требуются голоса как минимум $(83,3 \times 43) / 10 = 359$ собраний, равномерно распределенных по 43 департаментам. Чтобы этого добиться, необходимо созвать неизмеримо большее число собраний (тысячу?), а для этого, в свою очередь, требуется попытаться инициировать созыв еще большего числа (двух или трех тысяч?).

Таким образом, предварительным условием для отклонения законопроекта становится политическая активность в половине кантонов страны, на что в реальности весьма сложно рассчитывать. Напротив, его последствия четко описаны в статье 60: «Если поступает такое требование, законодательный корпус созывает первичные собрания», что влечет за собой новое применение, на этот раз в масштабах всей страны, статьи 19 («голосование по законам производится словами *да* или *нет*») и статьи 20 («решение первичного собрания провозглашается следующим образом: “Граждане, объединившись в первичное собрание в числе ... голосовавших, голосуют за или против большинством в ... ”»). Одним словом, можно сделать вывод о том, что эта процедура прямого голосования народа с трудом применима в повседневном функционировании институтов и реализуема лишь в случае крайней политической поляризации по важнейшим вопросам – и все же она существовала и была возможна.

Слишком часто при анализе этих положений Конституции 1793 года основной акцент делается на их единственное применение – голосование об отклонении законопроекта. Однако смысл совокупности всех статей конституции далеко выходит за эти пределы, признавая за первичными собраниями возможность инициативы и дискуссий, не ограничивающихся лишь законопроектами. Разумеется, я отнюдь не имею ввиду тенденцию к возвращению к практике императивного мандата, равно как и официальное введение прямого контроля граждан над своими избранными, как это справедливо подчеркивает Мишель Тропер¹⁷ в свете статьи 26 Декларации прав: «Никакая часть народа не может осуществлять власть, принадлежащую всему народу...» и статей 29 и 43 Конституции: «Каждый депутат принадлежит нации в целом» и «Депутаты никогда не могут быть подвергнуты преследованию, обвинению или суду за мнения, высказанные ими в стенах законодательного корпуса».

В то же время, статья 26 Декларации прав содержит две фразы, которые лучше привести здесь полностью: «Никакая часть народа не может осуществлять власть, принадлежащую всему народу; но каждая часть находящегося в собрании суверена должна пользоваться правом с полной свободой выразить свою волю». И в этом месте, начиная с того момента, как первичное собрание получает право быть созванным, вступают в силу другие интересующие нас положения Конституции. В самом деле, в статье 10-й раздела, озаглавленного «О народном суверенитете», уточняется, что: «Народ-суверен ... обсуждает законы», и я нашел только одно положение, из которого можно сделать вывод о том, что здесь идет речь лишь об уже *предложенных* законах, а именно о законопроектах, описываемых в статьях 56-60 раздела «Об образовании закона».

Итак, первичные собрания могут созываться по их собственному желанию и, с этого момента, имеют право пытаться без какого бы то ни было ограничения по времени склонить на свою сторону другие первичные собрания, поскольку именно это предполагает описанная в статьях 115-117 процедура инициирования созыва конвентов или внесения изменений в конституционный акт. Обратившись к их тексту, мы увидим, что, если подобное решение будет принято в первичных собраниях «половины департаментов плюс еще один» и в «десятой части первичных собраний в каждом из них (...) законодательный корпус обязан созвать первичные собрания по всей Республике, чтобы выяснить, будет ли созван национальный конвент». Таким образом, механизм обращения к первичным собраниям здесь тот же, что и ранее, с тем же самым подсчетом числа проголосовавших в первичных собраниях. Если это требование поддерживается, то созывается конвент, избираемый «тем же способом, что и законодатели, и объединяющий в себе всю их власть». Иными словами, созыв конвента влечет за собой роспуск законодательного корпуса и новые выборы. Различие же с голосованием об отклонении законопроекта заключается в отсутствии крайнего срока подачи голосов в инициирующих процедурах первичных собраний, что делает принятие этого решения несравненно более реальным.

Без сомнения, Жан Жорес напрасно писал, что по Конституции 1793 года, «если в одной из статей и провозглашается, что “первичные собрания высказываются по законам”, это высказывание не выливается ни в какое решение, поскольку процедура референдума совершенно не предусмотрена». И Альбер Собуль¹⁸ справедливо указывает в сноске к этому абзацу, что «на самом деле организация референдума (хотя само слово и не использовалось) была предусмотрена статьями 59 и 60...». Пусть сам Собуль и не принимал в расчет возможность созыва конвентов, трудно отрицать существование весьма схожей с референдумом процедуры. Результаты успешного голосования об отклонении законопроекта непосредственно приводили к его аннулированию. Протесты по конституционным вопросам выливались в

избрание чрезвычайного национального представительства, которое брало на себя обсуждение и составление новых документов, но в итоге обязано было подвергнуть результат своих трудов, своих *проектов* изменений в конституции, той же самой процедуре голосования об отклонении законопроекта.

Помимо всего прочего, слово «референдум» приводит нас к сравнению с более поздними моделями, которые сами по себе весьма отличались друг от друга¹⁹, а это не лучший способ сосредоточиться на интересующем нас вопросе, в частности на возможности свободного обсуждения в первичных собраниях и выдвижения в них разного рода инициатив. В этом плане мне кажется важным, что, если принимать во внимание две упомянутые процедуры, какой бы тяжелой и трудной ни была первая из них, конституция наделяла первичные собрания *ipso facto* весьма широкими правами. Если, в ходе инициирования созыва национального конвента, собрания граждан могут подвергаться критике весь конституционный акт – и эту критику не ограничивает ничто, кроме Декларации прав, – то даже если требование изменения обычного законодательства никак явно не предусмотрено, ничто, на самом деле, ему не препятствует.

Кто может больше, может и меньше – и, если первичные собрания могли потребовать изменения Конституции, то существующие законы тем более могли подвергаться их критике, поскольку формальный отказ учесть их голоса касательно этих законов вполне мог повлечь за собой обострение конфликта, сопровождаемое требованием внести соответствующее положение в Конституцию – требованием, которое в свою очередь влекло за собой роспуск законодательного корпуса... В качестве примера обратимся к вопросу, который часто поднимался в первичных собраниях в 1793 (равно как и в 1795) году – к статусу священнослужителей и к продолжению действия гражданского устройства духовенства. Поскольку эта проблема в равной мере зависела как от обычного законодательства, так и от Конституции (ст. 7 Декларации прав и ст. 124 Конституции), легко себе представить, что ее решительная постановка первичными собраниями могла вылиться, если бы законодатели отказались ее урегулировать, в настоящий крупный политический кризис.

Помимо всего прочего, с того момента, как созыв первичного собрания становился возможным в любую минуту по инициативе пятой части граждан, имевших право в нем голосовать, и если решение этого собрания признавалось законным при наличии половины, имевших право голоса, такому собранию ничто не мешало приступить и к решению местных проблем. Конституция не предусматривала на этот случай никакой специальной процедуры, но если учесть, что «французский народ собирается каждый год 1 мая для проведения выборов», в частности, в законодательный корпус, и что для этих первичных собраний не требуется никакой кворум (ст. 32-33), мы увидим, что в случае необходимости созыв собраний для предварительного решения многих вопросов падал бы на время выборов.

И речь здесь пойдет не только об использовании предоставленного первичным собраниям нового права отвергнуть те законопроекты, которые будут предложены будущему законодательному корпусу. Народ (или граждане) воспользуются в этом случае действительно *демократической* властью, существующей наряду с властью законодателя. Соответственно, «форма правления является представительной лишь в тех вещах, которые народ не может сделать сам», но может этот народ многое. Мы далеки от того, чтобы утверждать, как это сделала еще в 1993 г. Клодин Воликов²⁰, что несмотря на статью 10 «текст Конституции ограничивается определением первичных собраний в качестве простых мест для голосования». Естественно, что граждане там и голосуют, однако они там и обсуждают, а также, если не брать запреты Учредительного собрания, располагают весьма широким правом инициативы.

Таким образом, речь шла о том, чтобы, как об этом мечтал Томас Пейн в 1792 г., *привить* демократию представительной системе: положения Конституции 1793 года касательно первичных собраний вписываются и завершают собой те дебаты, в которых участвовали как *Кондорсе*, так и *Робеспьер*, *Варле* и десятки других²¹. В любом случае, обратим внимание на то, что и без возвращения к императивному мандату или введения права на отзыв депутатов, предоставленная первичным собраниям возможность созываться при соблюдении определенных условий по инициативе граждан и принимать законные решения уже обозначает рамки разнообразной политической активности, которую вели эти собрания.

Это хорошо понимал Мишель Тропер²², писавший в 1995 г., что «обсуждать законы не означает отправлять законодательную власть». Однако если учесть, что «народ сам по себе не имеет права принимать законы, но при определенных условиях он может высказываться по уже составленным законам (...), его, самое большее, можно назвать со-законодателем», не забыв при этом про декреты, которые не выносятся на собрания граждан. В том, что касается моего сюжета, термин «со-законодатель» для описания действий, которые первичные собрания имеют право совершать по отношению к Конституции или законам, меня полностью удовлетворяет. Его также можно обрисовать как сочетание возможности, в зависимости от ситуации, принять решение, высказать критику и проявить конституционную или законодательную инициативу. Даже в рамках представительной системы, пронизывающей Конституцию 1793 года, очевидно, что собрания граждан получали реальное право обсуждать законы и предпринимать те действия, которые из этого проистекали. Именно это и произойдет летом 1793 года.

Результаты реального применения прямого голосования

В это время введение Конституции 1793 года в действие могло показаться неизбежным – по крайней мере, декрет от 27 июня о созыве первичных собраний предусматривал (ст. 8), что «немедленно после публикации мнения французского народа о Конституционном акте, Конвент назначает срок созыва первичных собраний для выборов депутатов национального собрания и формирования органов власти». Показательно, что язвительная критика, высказанная таким информированным человеком как Ланжюине в его знаменитом памфлете «Последнее преступление Ланжюине»²³, была направлена на вынесенный на референдум текст именно под углом неприменимости тех процедур созыва первичных собраний, о которых я писал выше²⁴. Там, где Робеспьер опасался, как бы первичные собрания не оказались слишком уж способны повлиять на законодательный корпус, Ланжюине полагал, что они окажутся на это вовсе не способны. И делал из этого вывод о неминуемой опасности диктатуры Горы и «Комитета общественного бедствия», причем именно вследствие немедленного применения Конституции.

Очевидно, Ланжюине, равно как и вся Жиронда, недооценивал ту активность, которую повлек за собой лозунг «Отечество в опасности» и решение о созыве первичных собраний для голосования по конституции. Со времен принятия принципиального решения об установлении республики, а затем процесса и казни короля (без обращения к народу), существовала необходимость на практике продемонстрировать реальность народного суверенитета. После утверждения проекта Конституции Конвент выполнил свою основную задачу. Обозначился выход из промежуточного периода, начало которому положили восстание 10 августа 1792 г., временное прекращение полномочий монарха и выборы Конвента. И, по сути дела, именно в качестве конституционного завершающего этапа этого периода текст, принятый 24 июня 1793 г., в свою очередь был вынесен на утверждение первичных собраний²⁵. Народ окончательно занял место короля.

Если не говорить о принципах, провозглашаемых начиная с осени 1792 г., этот первый опыт прямого национального голосования имел и непосредственную практическую цель в стране, глубочайшим образом разделенной гражданской войной на западе и усилением количества восстаний, называемых «федералистскими»²⁶ – различным местным органам управления была дана официальная возможность объединиться и отказаться от своих случайных симпатий и прожирондистских заявлений. Призыв к голосованию по Конституции 1793 года явился, таким образом, широкомасштабной политической демонстрацией²⁷, которая должна была положить конец мятежам и продемонстрировать способность Конвента с достоинством выйти из этого испытания.

Я далек от того, чтобы полагать, будто все способны были прочесть тексты Декларации и Конституционного акта – тексты короткие, отпечатанные и распространенные в сотнях тысяч экземпляров²⁸, активно обсуждавшиеся, – однако мне представляется, что смысл заложенных в них институтов не прошел незамеченным. Формы политической активности первичных собраний, проистекающие из этих текстов, были тем более отлично поняты современниками, что они частично следовали и из реалий 1789 г., так полностью и не исчезнувших во время функционирования революционных институтов. Они были тем более «очевидны» для граждан, что систематизировали способы обращения к прямому голосованию и формы обсуждения их насущных интересов – именно о расширении этой практики начиная с конца 1792 г. я и писал выше. Летняя активность первичных собраний без труда объясняется тем, что как в 1789 г., так и вследствие тех законов, которые были приняты весной 1793 г., они действовали как суверен и повсеместно использовали свое право на обсуждение и принятие решений, вступившее в силу с момента их созыва.

Декрет о созыве первичных собраний сопровождался специальной инструкцией и образцом протокола, в которых подчеркивалась свобода каждого из них вести заседания по собственному усмотрению. Декрет предписывал выбрать «посланников»²⁹ первичных собраний, которым будет доверено донести до Конвента «пожелания (*voeux*) французского народа», выражение «национальной воли». Из этого приглашения следовало приглашение в Париж на празднование³⁰ 10 августа 1793 г. тысяч «избранников суверена», носителей его «пожеланий» относительно Конституции, а также своих собственных свободно обсуждавшихся «пожеланий». В августе эти посланники сыграли важнейшую роль промежуточного звена – в Париже между Конвентом, с одной стороны, и секциями и политическими обществами, с другой, в ходе принятия принципиальных решений о массовом призыве в армию, а затем в провинции в ходе их применения.

Предоставленная каждому собранию свобода обсуждать Конституцию по своему усмотрению привела и к принятию сотен, а возможно и тысяч «пожеланий» по самому широкому кругу вопросов. На самом же деле, речь шла о спонтанном, частичном и преждевременном использовании «суверенными» первичными собраниями права высказываться по Конституции и существующим законам – как это было предписано Конституцией, но в равной мере как никогда в реальности не переставали делать, начиная с 1789 г. Едва ли можно четко сказать, в какой мере принятие этими собраниями «пожеланий» по вопросам, которые им представлялись важными, выражало преемственность с более ранней практикой обсуждений и подачей петиций, а в какой было спровоцировано положениями Конституции. Однако, как мы видели, те меры, которые принимались с конца 1792 г. и весной 1793 г., обеспечили преемственность между этими двумя явлениями, и в «пожеланиях» нередко встречается упоминание о «частичке суверенитета», принадлежащей каждому из собраний.

Направленность принятых первичными собраниями «пожеланий» весьма разнообразна, однако их изучение полностью выходит за рамки данной статьи. В десятках, а то и сотнях собраний большинством голосов принимались решения по поводу (в убывающем порядке) конкретных статей Конституции, положения духовенства, наследственного права, «максимума», аграрных вопросов. Другие проблемы, такие как предоставление права голоса женщинам, поднимались более сложными путями. В большинстве департаментов способы принятия «пожеланий» были очень близки к тем, которые применялись в ходе утверждения наказов 1789 г., свидетельствовавших о нарастающей радикализации общества – в них также фигурировали вопросы, непосредственно волновавшие граждан.

Обсуждение и принятие «пожеланий» летом 1793 г. едва ли можно охарактеризовать, как повсеместное явление, однако следует учесть, что нам известны только те случаи, когда они получали поддержку большинства. Если только в один прекрасный день в нашем распоряжении не окажутся полные протоколы заседаний первичных собраний, а не выписки из них, отправленные в Париж, мы так и не узнаем о тех ситуациях, когда инициаторы подобных требований оказывались в меньшинстве. Тем не менее, в общем и целом количество таких «пожеланий» куда больше, чем полагали их первые исследователи – Шарль Риффатер (1906)³¹ и Рене Батикль (1909-1910)³². Интересным для изучения представляется также не вызывающее сомнения последующее распределение части этих пожеланий между соответствующими комитетами Конвента. Предпринятый зондаж (в основном, по вопросам издольщины) показывает, что до сего дня эти «пожелания» примерно поровну распределены между архивами, относящимися к принятию Конституции (серия В II Национального архива Франции), и архивами других комитетов. Это соотношение может варьироваться в зависимости от существования соответствующих комитетов, однако из этого следует, что те карты, которые были мною составлены по указанным выше работам и уже были опубликованы Мишелем Вовелем³³, покрывают лишь часть существующих документов, тогда как другая часть этих «пожеланий» остается погребенной в бумагах комитетов.

Подведение итогов

Использование для одобрения Конституции 1793 года прямого голосования граждан повлекло за собой повсеместное использование принадлежащего первичным собраниям права на обсуждение и принятие решений. С моей точки зрения, этот аспект их заседаний представляет собой частичное применение той Конституции, которая была вынесена на голосование, – правда, применение преждевременное и спонтанное, сопровождавшееся высказыванием «пожеланий первичных собраний» от имени «частицы суверенитета», которой обладало каждое из них. Этот эпизод вписывается в общую линию нововведений, прослеживающуюся начиная с осени 1792 г. и принципиально отличающуюся от законодательных принципов, проводившихся в жизнь с 1790 по 1792 гг. Традиционная практика обсуждений, проходивших при Старом порядке и в ходе выборов в Генеральные штаты, была в 1793 г. подкреплена изобретением сугубо «демократических» формул (в том смысле, который вкладывал в это слово Эро) – тех формул, которые были усилены началом проведения в жизнь новой Конституции. При анализе последующих событий необходимо учитывать, что этот «демократический» аспект стал летом 1793 г. новшеством как для тех институтов, которые уже существовали, так и для тех, которые еще оставались в проекте.

Я не ставил своей целью оценить возможное влияние непосредственной деятельности собраний граждан на предусмотренные по Конституции институты³⁴, равно как и на их эволюцию – опыт создания новых систем власти показывает, что практическое функционирование институтов неизбежно отличается от того, что было изначально задумано и прописано в Конституциях. Однако я не думаю, что укрепление этой новой формы легитимности – дискутирующего и принимающего решения народа – могло пройти незамеченным для депутатов Конвента или, если брать шире, для журналистов и других активных участников революции. В тот момент, когда «посланники» первичных собраний съехались в Париж, практически можно было говорить о «единовременном проявлении» этой прямой народной легитимности, подпитавшем Конвент, избранный годом раньше посредством косвенных выборов и незадолго до того «очищенный». На короткое время можно было почувствовать то, что объединяло голосования народа по поводу рекрутского набора в 300 000 человек, раздела общинных земель, Конституции и разнообразные «пожелания», принятые, к примеру, по поводу положения духовенства или «максимума».

С лета по осень 1793 г., помимо сражений на границах многочисленные конфликты приводили к другим все более и более повсеместным сражениям: поход вандейцев в Бретань и их поражение, ожесточенные осады Лиона, Марселя и Тулона, высадка англичан в этом порту. Однако можно заметить и другие значительные проявления радикализации: рекрутский набор, постановка «Террора в порядок дня» и активнейшую дехристианизацию – вначале стихийную, а затем и направляемую сверху. Во всех этих событиях играли важную роль «посланники», вернувшиеся в свои кантоны. И полученный при голосованиях заряд легитимности мне кажется неразрывно связанным с развитием этих событий.

Напротив, антиподом проявления «демократии» в 1793 г. стало решение, принятое в конце концов Конвентом – переход к чрезвычайной форме правления, к «революционному правительству на время войны» и к временному прекращению любых проявлений активности собраний граждан.

Оставив в стороне хаотичные события лета 1793 г., необходимо принять во внимание политические последствия отказа от введения в действие «одобренной народом» Конституции. Необходимо почувствовать состояние умов граждан, знавших о том, какие институты были по ней предусмотрены, и сравнивавших их, начиная с зимы, с реалиями диктатуры общественного спасения – ее стремлением к всеобщему подчинению и неограниченными во времени полномочиями. Противоречие между этим режимом и уже испытанным в

1793 г. расширением прав граждан представляется мне крайне важным для понимания различных политических оппозиций, возникших как во времена Террора, так и после Термидора – будь то в недрах парижских секций, будь то в других местах. Однако тот, кто заинтересуется всей совокупностью политических течений, оставшихся, по тем или иным причинам, связанными с применением «демократической» Конституции, вынужден будет написать совсем иную историю.

Развитие во времени

Не прошло и двух лет после голосования по Конституции 1793 года, как после изменения политической ситуации по сходным принципам было организовано второе голосование в сентябре 1795 г.: неизбежные вариации на местах с допуском в собрания³⁵, прямое голосование граждан, очень большая автономия «суверенных» первичных собраний, широко использовавших свое право на обсуждение и принятие «пожеланий» – пусть даже их наполнение существенным образом изменилось... И даже если не рассматривать действенность в 1793-1795 гг. нового способа легитимации посредством прямого голосования граждан, применение в 1799 г. сходной процедуры для санкционирования бонапартистского государственного переворота могло показаться разрывом преемственности лишь по форме, которую приняло это голосование: резкий отказ от всего, что могло напомнить голосование в собраниях граждан.

Намеренное использование индивидуального голосования по открытым спискам, помещенным в местной администрации, в судах и у нотариусов, означало конец определенной эпохи³⁶. Этот аспект голосования VIII года четко выражен в кратком докладе Люсьена Бонапарта консулам³⁷: «Все граждане имели возможность доверить свои голоса тем, кому они обычно доверяют свои самые насущные нужды, и эта подача отдельных голосов, уничтожившая престиж беспорядочных собраний, предоставила гражданам полную свободу». Разрыв с системой подачи голосов в собраниях граждан подчеркнут здесь совершенно осознано, поскольку «Революцию определяют принципы (*la Revolution est fixee aux principes*), которые положили ей начало: она окончена».

Тем самым, изобретенный в 1793 г. способ прямой санкции народа-суверена приобретает независимость от вынесенных на голосование документов, хотя результаты третьего конституционного референдума и отмечены массовыми и систематическими фальсификациями³⁸. Таким образом, отмена подачи голосов в собраниях граждан и повсеместное применение индивидуального голосования означает существенное уменьшение свободы голосования, а отнюдь не наоборот. Без сомнений, ни голосование в собрании, ни в принципе политические голосования полностью не исчезают, однако на несколько десятилетий условия их проведения становятся полностью «цензитарными». Плебисциты Бонапарта принимают, для тех кого они касались, форму «поименного», индивидуального голосования и становятся объектом внимания префектов, организовывавших фальсификации на местах. Так было покончено с «беспорядочными» собраниями граждан и их правом на обсуждение и принятие решений. Но сама идея равенства – публично и мирно, или же подпольно собравшихся граждан – не исчезает и вновь всплывает на поверхность в 20-е годы нового века, чтобы расцвести в 40-х, при второй республике... Однако и это уже совсем другая история.

Примечания

1. *Aberdam S.* L'elargissement du droit de vote entre 1792 et 1795 au travers du denombrement du comite de division et des votes populaires sur les Constitutions de 1793 et 1795; 1200 + 800 p., 122 cartes; диссертация была защищена в феврале 2001 года под руководством М.Вовеля.

2. *M. Genty*, статьи «Democratie directe» и «Democratie representative», *M. Pertue*, статья «Mandat imperatif» в: *Dictionnaire historique de la Revolution francaise / Sous le nom collectif d'Albert Soboul*. P., 1989; *Wolikow Cl.* L'emergence de la democratie representative // L'an I et l'apprentissage de la democratie. Colloque de Saint-Ouen (1993) / Sous dir. de R.Bourderon. Saint-Denis, 1995. P.53-69.

3. *Aberdam S., Bianchi S., Demeude R., Ducoudray E., Gainot B., Genty M., Wolikow Cl.* Voter, elire pendant la revolution francaise, 1789-1799, Guide pour la recherche. CTHS 1999. Гл.6. Лексика. Статьи «Deliberation» (p.461), а также «Democratie directe» и «Democratie representative» (p.462-463); основные юридические документы, упоминаемые ниже, цитируются по данному «Руководству».

* *Deliberation* – термин для XVIII века весьма многозначный и при этом занимающий важное место в политической лексике того времени. Точнее всего его следовало бы перевести как «решение, принятое по итогам обсуждения», включая весь процесс от начала до конца – и само обсуждение, и формулирование некоторых проистекающих из него выводов и, наконец, оформление итогового решения. – *Прим. переводчика.*

** Жак Дефермон (1752-1831) – депутат от третьего сословия в Генеральных штатах, позднее депутат Конвента от департамента Иль и Вилен, близок к жирондистам. Подписал протест против переворота 31 мая – 2 июня 1793 г., бежал, был объявлен вне закона. Вернулся в Конвент в марте 1795 г. – *Прим. переводчика.*

*** Жан-Мари Гужон (1766-1795) – депутат Конвента от департамента Сена и Уаза, монтаньяр. После восстания 1 прериаля III года республики (20 мая 1795 г.) арестован и приговорен к смертной казни. Покончил с собой. – *Прим. переводчика.*

**** То есть, четких инструкций, явным образом ограничивающих полномочия депутатов. – *Прим. переводчика.*

4. *Rosanvallon P.* Le sacre du citoyen, Histoire du suffrage universel en France, Gallimard 1992, 490 p.; *Idem.* Le peuple introuvable, Histoire de la representation democratique en France. P., 1998; *Gueniffey P.* Le nombre et la raison. La Revolution francaise et les elections. P., 1993.
- ***** Без личного присутствия (лат.). – Прим. переводчика.
5. *Crook M.* Toulon in war and revolution. From the ancien regime to the Restoration, 1750-1820. Manchester, 1991, особенно страницы 102 et 132; *Elections in the French Revolution, An Apprenticeship in democracy, 1789-1799.* Cambridge, 1996. Chap.4 et 5.
6. В своей диссертации (работа над которой продолжается), посвященной праву на подачу петиций, Янн-Арзель Марк близко подходит к затрагиваемым здесь вопросам, давая юридическое определение петиции, как акта участия гражданина в управлении обществом – в противоположность составлению жалобы, ходатайства или прошения. Таким образом, Я.-А.Марк рассматривает право на подачу петиций как в связи с регулярными собраниями граждан, так и полностью за пределами этого сюжета, что вполне естественно, однако выявляет совершенно иной подход.
7. *Wambaugh S.* A Monography of Plebiscites, with a collection of official documents. New York, 1920 – большой (и двуязычный) сборник документов от начала французской революции до 1914 г. Следует отметить, что термин «плебисцит» трактуется в нем, как решение, принятое большинством голосов населения территории, определяемой по ее государственной и национальной принадлежности; прямые обращения к гражданам по другим сюжетам остаются за рамками данного исследования.
8. *Suratteau J.-R.* Le departement du Mont-Terrible sous le regime du Directoire (1795-1800). These. Paris-Besancon, 1964; *Annales litteraires de l'universite de Besancon & Les Belles Lettres*, 1965.
- *****Констан-Жозеф-Этьен Госсуэн (1758-1827) – депутат Законодательного собрания и Конвента от департамента Нор, 30 ноября 1792 г. отправлен одним из представителей в миссии при армии Дюмурье. – Прим. переводчика.
9. *Barny R.* Democratie directe en 1793 : ambiguite d'une reference theorique // L'an I et l'apprentissage de la democratie. P. 71-86.
10. Статья *D'Hollander P.* La levee des 300.000 hommes dans la Haute-Vienne // *Revue du Midi* 1989/1. Т.101. N 185-186, представляет собой одну из немногих работ по этому вопросу; в поисках других примеров см.: *Inventaire sommaire de la serie L des AD de l'Aude*. 1er volume. 1907.
11. Для того, чтобы сохранить целостность общинных земель, требовалось большинство в две трети голосов; однако трети плюс один голос было достаточно для того, чтобы решение о разделе в принципе было принято.
12. Эти сюжеты освещаются в трех десятках исследований различных жанров, однако, как правило, интересующие нас здесь сюжеты не привлекают внимания их авторов.
13. Необъятная тема, по которой можно привести лишь несколько кратких ссылок. М.Пертюэ, статья «Референдум» в *Dictionnaire historique de la Revolution francaise* (подчеркивается контраст между жирондистским проектом февраля 1793 г. и принятым в июне документом); *Idem.* Les projets constitutionnels de 1793 // *Revolution et republique, L'exception francaise. Colloque de Paris (1992) / Sous dir. de M. Vovelle.* Paris, 1994. P.174-199 (рассматривается вся совокупность документов); *Dorigny M.* Du projet girondin de fevrier 1793 au texte constitutionnel du 24 juin 1793 // L'an I et l'apprentissage de la democratie (подчеркивается преемственность); *Jaume L.* La souverainete montagnarde // *La Constitution du 24 juin 1794 : l'utopie dans le droit public francais ? Colloque de Dijon (1993) / Sous dir. de J.Bart, J.-J.Clere, Cl. Courvoisier.* Dijon, 1997 (подчеркивается разрыв).
14. М.Жанти дает в своих двух цитируемых выше статьях из *Dictionnaire historique de la Revolution francaise* обычную ссылку на определение Руссо.
15. AN. AE I 11, вариант из рукописи доклада Эро де Сешеля.
- ***** Жан-Гийом Тайефер (1763-1835) – депутат Законодательного собрания и Конвента от Дордони, монтаньяр. – Прим. переводчика.
- ***** Дидье Тирион (1763-1815) – депутат Конвента от Мозеля, монтаньяр. – Прим. переводчика.
16. *Robespierre M.* Oeuvres. T.9. P.557, взято из: *Journal des debats.* N° 271.
17. *Troper M.* La Constitution de l'an III ou la continuite : la souverainete populaire sous la Convention // 1795. Pour une Republique sans Revolution. Colloque de Rennes (1995). Rennes, 1996. P.179-192.
18. *Jaures J.* Histoire socialiste de la Revolution francaise, edition Soboul. Т. 6. P. 161, с комментариями А.Собуля.
19. В том числе и у двух упомянутых выше авторов, поскольку не исключено, что оба историка, в силу того, что они жили в разные эпохи, понимали этот термин несколько по-разному, особенно в части, касающейся инициирования референдума: для Жореса это была швейцарская модель, а для Собуля – французская.
20. *Wolikow Cl.* L'emergence de la democratie representative // L'an I et l'apprentissage de la democratie. P.53-69.
21. Дебаты, рассмотрение которых очевидно выходит за рамки данной статьи.
22. *Troper M.* La Constitution de l'an III ou la continuite : la souverainete populaire sous la Convention.
23. Издано в Ренне в июле 1793 г.; BN : Lb41 723; см. также: Lb41 773 et 781 et Le38 1296.
24. «Нигде так не бывало, чтобы собрания секций созывались по требованию одной пятой части тех, кто имел в них право голоса; скорее всего, нигде так не бывало во Франции, чтобы первичное собрание состояло из половины плюс один человек из тех, кто имел право избирать: как правило, его численность была куда как далека от этого...»
25. Обобщение этих событий сделано в: *Aulard A.* Histoire politique de la Revolution francaise, origines et developpement de la democratie, 1789-1804. P., 1901.
26. *Aberdam S.* Guerre civile et legitimation, l'exemple de la Constitution de 1793 // *Constitution et Revolution aux Etats-Unis et en Europe, 1776-1815 / Sous dir. R. Martucci.* Macerata, 1995.

27. *Aberdam S.* Soumettre la constitution au peuple // *La Constitution du 24 juin 1794 : l'utopie dans le droit public français ?* P.139-156.
28. Издание и распространение текстов, вынесенных на референдум, представляют собой тему для отдельного исследования. Отметим лишь, что в октябре 1793 г. Комитет общественного спасения оплатил миллион только официальных парижских изданий, уже прошедших через Министерство внутренних дел, а ведь было еще и множество провинциальных переизданий.
29. *Aberdam S.* Un aspect du referendum de 1793, Les envoyes du souverain face aux representants du peuple // *Revolution et republique, L'exception française.* P.213-225.
30. *Aberdam S.* Fete parisienne et fetes provinciales pour le dix aout 1793 : federer autour de la Constitution ? // *Les federalismes, realites et representations, 1789-1874, colloque de Marseille (1993).* Marseille, 1995 ; *Moise, Hercule et les eaux pures : allegories autour du vote populaire sur la constitution française de 1793 // Quaderno 5 du Milan Group in Early United States History, Visions of the Future / Sous dir. L. Valtz-Mannucci.* Milan, 1996.
31. *Riffaterre C.* Les revendications économiques et sociales des assemblees primaires de juillet 1793 // *Bulletin d'histoire économique et sociale de la Revolution française.* 1906. N° 4. P.321-380.
32. *Baticle R.* Le plebiscite sur la Constitution de 1793 // *La Revolution Française.* T.57. 1909. P.496-524 ; T.58. 1910. P.5-30, 117-155, 193-237, 327-341 et 385-410 – публикация (полная ли?) DES, защищенного в Париже в 1909 г.
33. *Vovelle V.* La decouverte de la politique. P., 1992. P.204.
34. Различные коллоквиумы, посвященные двухсотлетию Конституции 1793 года, могли бы и уделить этому сюжету немного внимания, однако я полностью принимаю данный упрек и на свой счет.
35. В реальности, в течение всей революционной эпохи возможность использовать на практике права гражданина (в том числе, и право голоса) зависела от муниципалитетов, составлявших списки, по которым, собственно, и осуществлялся допуск в первичные собрания – в ходе этой процедуры правила и законы, принятые на национальном уровне, трактовались весьма вольно. А протесты рассматривало само же первичное собрание.
36. На местах этот разрыв далеко не всегда был полным: порой в 1793 и 1795 гг. муниципалитеты для увеличения явки прибегали к голосованию по спискам, однако перед этим всегда проводилось соответствующее собрание; в равной мере, в VIII году еще встречались муниципалитеты, которые созывали собрания и использовали традиционную форму голосования; и, наконец, размещение списков у нотариуса было в то время классическим способом сбора подписей под петициями.
37. Доклад консулам от 7 февраля 1800 г. (18 pluviоза VIII года), приложение к циркуляру от 12 февраля (23 pluviоза), который предписывал прочитать и вывесить его по всем коммунам республики; ниже располагалось Обращение консулов от 15 декабря 1799 г. (24 фримера VIII года).
38. Размеры этих фальсификаций были неизвестны вплоть до появления статьи: *Langlois C.* Le plebiscite de l'an VIII, ou le coup d'Etat du 18 pluviозе an VIII // *Annales historiques de la Revolution française.* 1972; *Idem.* Napoleon Bonaparte plebiscite? // *L'election du chef de l'Etat en France, de Hugues Capet a nos jours; Les entretiens d'Auxerre* 1987, Beauchesne 1988. Отметим важность включения при новом режиме в общее число голосов военнослужащих, тогда как они полностью не учитывались в 1793 г. и лишь в незначительной степени в 1795 г.